

Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии

Аннотация. Ограничение прав и свобод объективно неизбежно. Однако критерии принятия соответствующих решений на уровне федерального законодательства, хотя и установленные в норме ст. 55 Конституции Российской Федерации, весьма разнородны и требуют различных технологий и границ. Среди них в наиболее тонкой настройке нуждаются такие основания, как интересы защиты нравственности и здоровья. Обстоятельства пандемии коронавирусной инфекции это подтвердили, явившись предпосылками для введения пакета ограничений и запретов — наряду с позитивными мерами поддержки граждан в сложной жизненной ситуации. Значительная часть охранительных мер имеет в своей основе явное оправдание. Однако часть из них, как федерального, так и особенно регионального уровня, включая правоприменительную практику, подвергается справедливой критике в юридической доктрине, политологии и социологии. Наибольшее сосредоточение критики должно быть направлено на ограничения и запреты для пожилых людей. По сути, требования жесткой самоизоляции привели к появлению нового вида дискриминируемых меньшинств. Притом что результаты социологических исследований свидетельствуют о нежелательности, вредности (пусть и относительной) избыточного патерналистского подхода к проблемам пожилых людей, который снижает их потенциал сопротивления возрасту. Ориентация на самооценку своих сил и добровольное осознанное самоограничение более соответствует особенностям и смыслам «серебряного возраста» (в этом плане более преуспели основные религиозные конфессии). Государству необходимо на основе полученного опыта и общественного запроса скорректировать нормативистику своих действий в чрезвычайных ситуациях относительно населения в целом и отдельных его групп.

Ключевые слова: пандемия; ограничение прав; запреты; пожилые люди; дискриминация; уважение; права и свободы; чрезвычайные ситуации.

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 8. — С. 99–109. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.

© Тарусина Н. Н., 2021

* Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Several Arguments on Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in Pandemic Emergencies

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The restriction of rights and freedoms is objectively inevitable. However, the criteria for making appropriate decisions at the level of federal legislation, although established in the norm of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, are very diverse and require different technologies and boundaries. Among them, such grounds as the interests of protecting morality and health need the most fine-tuning. The circumstances of the coronavirus pandemic confirmed this, being the prerequisites for the introduction of a package of restrictions and prohibitions along with positive measures to support citizens in a difficult life situation. A significant part of the protective measures is based on a clear justification. However, some of them, both at the federal and especially at the regional level, including law enforcement practice, are justly criticized in legal doctrine, political science and sociology. The greatest concentration of criticism should be directed at restrictions and prohibitions for the elderly. In fact, the requirements of strict self-isolation have led to the emergence of a new type of discriminated minorities. Moreover, the results of sociological research indicate the undesirability and harmfulness (albeit relative) of an excessive paternalistic approach to the problems of older people, which reduces their potential for resistance to age. The orientation towards self-assessment of one's strength and voluntary conscious self-restraint is more consistent with the features and meanings of the "silver age" (In this regard, the main religious denominations have succeeded more). The state needs to adjust the standards of its actions in emergencies regarding the population as a whole and its individual groups based on the experience gained and public demand.

Keywords: pandemic; restriction of rights; prohibitions; elderly people; discrimination; respect; rights and freedoms; emergencies.

Cite as: Tarusina NN. Neskolko tezisev ob ogranicheniyakh prav i svobod grazhdan v chrezvychaynykh obstoyatelstvakh pandemii [Several Arguments on Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in Pandemic Emergencies]. *Lex russica*. 2021;74(8):99-109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109. (In Russ., abstract in Eng.).

Положение ст. 55 Конституции РФ о допущении ограничения прав и свобод граждан в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обороны и безопасности страны, прав и законных интересов других лиц, с одной стороны, совершенно необходимо — уже в силу двух весьма простых и очевидных идей: об относительности всякой свободы, тем более онормативленной правом, во-первых, при соприкосновении с правами и свободами другого человека, во-вторых, в рамках взаимодействия (и возможного противоречия) частного интереса индивида, интереса гражданского общества и публичного интереса государства¹. С другой стороны, в указанной норме заложена объективная опасность чрезмерно широкого ее применения, усиливаемая субъективным ее истолкованием законодателем и правоприменителем.

Поскольку задача статьи с точки зрения охвата проблематики существенно уже, в преамбульной части мы ограничимся лишь некоторыми констатациями из разных областей ограничительного юридического бытия прав и свобод граждан для повышения градуса общих смыслов — с последующим обострением восприятия новых ограничений.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 32 Конституции РФ граждане, находящиеся в местах лишения свободы, не имеют права избирать и быть избранными в представительные органы государственной и муниципальной власти. Запрет является абсолютным и универсальным. Между тем в означенных отдаленных и неотдаленных местах могут содержаться лица, совершившие, например, неосторожные преступления или преступления незначительной тяжести.

¹ См., например: *Кокотов А. Н.* Конституционный Суд России и защита прав и свобод // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 10. С. 9–20.

Насколько соразмерен установленный для них запрет содеянному?

Данное ограничение было предметом разбирательства Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ — по жалобе граждан Анчугова и Гладкова, осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления. ЕСПЧ в постановлении от 04.07.2013 счел рассматриваемую норму Конституции РФ избыточно запретительной и в этом смысле не соответствующей конвенционным положениям, призвав российское государство к соблюдению принципа соразмерности наказания содеянному.

Что касается названных заявителей, то они персонально получили вполне по заслугам. Однако правовая позиция ЕСПЧ была декларативно настойчива и в этой связи вынуждала Конституционный Суд РФ на нее реагировать². По запросу Минюста РФ КС РФ в постановлении от 19.04.2016 № 12-П сформулировал до удивления осторожное суждение, допустив, без изменения конституционной нормы, решение проблемы на уровне федерального законодательства, в том числе в контексте декриминализации части уголовно-правовых составов либо исключения для этих случаев такого сурового наказания, как лишение свободы.

Декриминализируем и исключаем. А затем — расширяем сферу уголовного преследования и сферу применения лишения свободы за счет новых уголовно-правовых составов.

И так — до бесконечности. (Впрочем, справедливости ради следует констатировать всё же существенное снижение контингента осужденных к лишению свободы. Видимо, ситуацию улучшит и внедрение в уголовное законодательство конструкции уголовного проступка.)

Значительное число ограничений, наряду с льготированием, установлением преимуществ («позитивной дискриминацией», или, что точнее, дифференциацией)³, приходится на сферу трудового права. Они характеризуются, с одной стороны, массивом преференций для женщин в известных состояниях (беременности и материнства) и гендерной нейтрализацией (в рамках конструкции «лица с семейными обязанностями», не достигшей, впрочем, в своем развитии оптимальных значений⁴), с другой — махровой дискриминацией. Ярким, длящимся во времени образцом последней являются запреты на профессию для женщин⁵. И это притом, что всякая женщина, несмотря на свое специально-биологическое и социальное предназначение стать (а желательно — и быть) матерью, имеет абсолютное право решать данный вопрос самостоятельно (вплоть до приверженности идее чайлдфри⁶), а кроме того, далеко не всякая женщина объективно-биологически способна к материнству. В последнем случае запреты на профессию (и отнюдь не только шахтера или металлурга) выглядят особенно издевательски.

Особняком «отсвечивают» попытки «прорвать оборону» классического брака со сто-

² Мы далеки от обожествления решений ЕСПЧ, который периодически позволяет себе увидеть в толкуемых им нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод то, чего там либо нет, либо появляется на основе «эволютивного» подхода, либо сформулировано в рамках идеи о широком усмотрении национального законодателя. (Более того, мы скорее за то, чтобы, по мысли К. Богомолова, «отцепить вагон от безумного поезда»...) В данном случае мы лишь предлагаем и комментируем линейку образцов ограничения прав и свобод (обоснованных, недостаточно обоснованных или необоснованных), введенных в рамках прямого конституционно-правового предписания или же отраслевого ответа норме ст. 55 Конституции РФ. Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 1. С. 64–75.

³ См., например: Тарусина Н. Н., Исаева Е. А. Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 9, 20.

⁴ См. знаменитое во всех отношениях дело «К. Маркин против Российской Федерации». Подробности: Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. С. 226–227.

⁵ Ограничительный перечень состоит из более 450 профессий. Конституционный Суд РФ не оценивает ситуацию как дискриминационную (см. определение от 22.03.2012 № 617-О-О по жалобе А. Клевцев). О данном виде дискриминации см.: Сыченко Е. В. «Законная» дискриминация: запрет применения труда женщин на некоторых видах работ // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 59–62.

⁶ Которую мы не разделяем и полагаем антигуманитарной и общественно опасной, но, принимая инакомыслие (в пределах адекватно понимаемой законности), не можем требовать ее исключения из мировоззренческого оборота.

роны ЛГБТК-сообщества, на которые давались конституционно-правосудные ответы. Так, в определении от 16.12.2006 № 496-О (по жалобе Е. Мурзина) Конституционный Суд РФ указал, что требование гетеросексуальности супружеского союза соответствует биологической природе человека, целевому предназначению данного союза и российским национальным и культурным традициям. Если до 2020 г. у означенного вида меньшинств еще оставалась надежда на благоприятное разворачивание событий, то конституционная поправка о браке как союзе мужчины и женщины (п. «ж» ст. 72) ее исчерпала. Ограничения в праве на семейную жизнь представителей ЛГБТК-сообщества в весьма отдаленной перспективе могут быть лишь ослаблены с помощью конструкции гражданско-правовых партнерств (правда, в этом мы не уверены), но не институтов брака, усыновления/удочерения и родительства⁷.

Ограничения и приоритеты содержатся и в других институтах означенных нами отраслей, в иных «регулятивных» отраслях — социально-обеспечительном, финансовом, налоговом праве, а также и охранительных, каковые весьма подробно проанализированы в доктрине⁸. Поэтому удовлетворимся ранее приведенными иллюстрациями и перейдем к пандемическим ограничениям и прежде всего — к «новообразованиям» в пространстве меньшинств.

«Антивирусное» законодательство — «новое» российского депутатского корпуса (в меньшей степени), правительства (в степени большей, ибо следовало оперативно управлять ситуацией) и региональных властных структур — проявило себя весьма разнообразно. С одной стороны, оно содержало много позитива: льготы и выплаты семьям с детьми, предпринимателям; поддержка медиков; экстренное финансирование научных разработок в области фармации — лекарственных препаратов и вакцины; поощрение добровольчества и благотворительности и т.д. С другой — ориентировало граждан на самоограничение, вплоть

до самоизоляции, удаленную форму работы и обучения, устанавливало прямые запреты (на собрания и митинги, передвижение по городу, пользование рядом услуг и пр.). При этом федеральные власти расширили полномочия региональных властных структур, которыми в большинстве случаев те и воспользовались, — не только на основании особенностей разворачивания пандемии на своей территории, но и вследствие избыточно панических настроений, неполной способности реагировать на чрезвычайные обстоятельства (как части неполной способности управлять территорией), а также традиционной бюрократической хватки, столь же традиционно не учитывающей гуманитарные составляющие аспектов руководства социальными процессами. Следует заметить, что означенные региональные полномочия нормативно были предоставлены с некоторым опозданием, когда антипандемические действия уже разворачивались⁹.

Конечно, в значительной мере запаздывание с «антивирусной» нормативистикой и определенная избыточность ограничений и запретов могут быть объяснены и даже оправданы новизной и чрезвычайностью ситуации. Воистину так — будем справедливы. Тем более что предварительный анализ демонстрирует относительно эффективную работу российских властных структур. Однако к означенным действиям всё же есть и будут вопросы, а также — критика (один из «движителей» оптимизации работы).

Следует заметить, что в России не была применена норма ст. 56 Конституции РФ (и соответствующий федеральный конституционный закон) о чрезвычайном положении. Некоторые юристы видят в этом заботу государства о собственных финансовых резервах, которые и так были напряжены и ориентированы на «антипандемические» затраты: норма ст. 27 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» предусматривает возмещение гражданам ущерба, причиненного

⁷ См. размышления по данной проблематике, например, социологов и правоведов: *Щелкин А. Г.* Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–160; *Тарусина Н. Н.* О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (28). С. 48–52; *Она же.* Семейному кодексу — 25: состояние здоровья и пути его улучшения // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 38–51.

⁸ См.: *Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н.* Гендер в законе. М.: Проспект, 2015.

⁹ См.: *Пьянкова А. Ф.* Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. 2020. № 5. С. 53–59.

действиями власти¹⁰. Полагаем всё же, что к тому были и другие причины: неизведанность степени опасности, а частично — ее недооценка в момент принятия первых решений, отсутствие прямого опыта по введению ЧП. Как показало последующее развертывание событий, включая фактические (не юридической природы), возможно, ситуация до ЧП и не дотягивала, хотя качалась на «лезвии бритвы»¹¹.

При этом ограничения, конечно же, вводились значительные и даже экстраординарные: цифровые пропуска и отслеживание перемещений (там, где это позволяли технические и финансовые возможности), приостановление работы «всего и вся», кроме жизненно значимых организаций, отмена льготного проезда, «замораживание» возврата гражданам средств, потраченных на запланированные и отмененные авиаперелеты, турпоездки, посещения театров; перевод в дистанционную форму работы судов, частично — адвокатской помощи и т.д.

В юридической доктрине в этой связи звучали вопросы и острые констатации: вирус уйдет, когда и сможем ли мы вернуть право (?); мир не больница, право на жизнь (фундаментальное право первого поколения в системе прав и свобод человека) предполагает и право распоряжаться ею¹², в том числе рисковать своей жизнью; кроме сохранения жизни и здоровья имеются и другие ценности¹³. Воистину так. Но поищем компромиссы.

С одной стороны, разумные ограничения передвижения, собраний, соблюдение карантинных мер (для заболевших коронавирусной инфекцией и контактировавших с ними), вы-

полнение санитарно-эпидемиологических требований (ношение защитных масок, перчаток, пользование санитайзерами, забота о чистоте рук, сануборка помещений и т.п.) — приемлемые условия выживания в пандемической ситуации¹⁴. Однако, с другой стороны, например, конструкция «самоизоляции», не будучи исключительно российским изобретением, распространившаяся по «цивилизованному миру», всё же заслуживает отдельных критических замечаний.

Так, в отличие от термина «карантин», термин «самоизоляция» вроде бы подчеркивает факт сознательного выбора гражданами типа поведения. Уже в этом заложена большая доля лицемерия: данная конструкция, по крайней мере в контексте антивирусного законодательства, является сугубо принудительной мерой. Возможно, руководствуясь требованием об адекватности «юридической филологии», на будущее следует найти иное обозначение такого поведения и состояния.

Введение данного режима сопровождалось не всегда оправданной дифференциацией подходов: например, в Магаданской области и Республике Алтай он был объявлен еще до появления первого больного, а в Амурской, Белгородской, Тверской, Тульской, Ярославской областях и Санкт-Петербурге отказались от тотальной самоизоляции (для всех)¹⁵.

Единственное, в чем в рассматриваемом плане территории оказались единодушными¹⁶, так это в распространении данного режима на пожилых людей — группу «65+». Разумеется, официально власти руководствовались сообра-

¹⁰ См.: Пьянкова А. Ф. Указ. соч. С. 56.

¹¹ Как отмечается в доктрине, в отличие от ряда европейских стран (например, Франции), российский законодатель «подогнал» для этих целей Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (наше уточнение: природного, если источником коронавируса были животные, техногенного, если он был сконструирован в лабораторных условиях...) (см.: Агальцова М. В., Иманова Т. В. Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 70).

¹² Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2. С. 167–181.

¹³ См.: Филиппова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // Закон. 2020. № 5. С. 46.

¹⁴ «Ковиддиссиденты», активные, сознательно избравшие этот вариант поведения, либо «пассивные», по недомыслию или приверженности к «пофигизму» и «шапкозакидательству», у автора симпатии (и даже понимания, да простят мне нарушение интеллигентской традиции «пытаться понять инакомыслящего» — в мягком противоречии с ранее означенным тезисом) не вызывают. Мы им — не судьи, но и не агрегаторы всепрощения.

¹⁵ Агальцова М. В., Иманова Т. В. Указ. соч. С. 66.

¹⁶ Как покажет дальнейший текст — бездушными (с нашей точки зрения).

жениями заботы о здоровье и даже сохранении самой жизни возрастных граждан¹⁷. Однако, во-первых, упомянутое нами право распоряжаться своей жизнью никто пока не дезавуировал: судя по действующим в мире регламентам, можно лезть на Эверест, заниматься хай-дайвингом, прыгать с парашютом (ради развлечения, а не по долгу службы), кувыркаться на сноуборде и плавать в компании акул — перечень открыт... Кроме того, противопоставление праву распоряжаться своей жизнью обязанности гражданина заботиться о сохранении своего здоровья, на которую, в том числе и в рассматриваемом случае, опирается государство (дополнительно к своему конституционному праву вводить ограничения), не вполне надежно: хотя такая обязанность и предусмотрена частью 1 ст. 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», она облечена в декларативную форму и лишь фрагментарно, в нормах ч. 2 и 3, конкретизируется для определенных случаев (медицинский осмотр как условие занятия некоторыми видами профессиональной и иной деятельности, а также в связи с диагностированием опасного заболевания, и соблюдение режима лечения на период временной нетрудоспособности). Расширенное толкование означенных норм проблематично¹⁸, ибо чревато доведением их понимания (и применения) до крайностей: обязанности делать утреннюю гимнастику, принимать зимой витамины, надевать шипованную обувь, дабы не поскользнуться на ледяном тротуаре, и далее — до пределов фантазии, которая, впрочем, пределов не имеет.

Во-вторых, граждане 65+ — не легкомысленные «оторвыши»: среди них немало политиче-

ских деятелей (пусть и не всегда адекватных, но ведь и среди особей помоложе неадекватность встречается, возможно, даже чаще), академиков, профессоров, изобретателей ракет, самолетов и вакцины, талантливых музыкантов, литераторов и др., а иногда — и танцовщиков/танцовщиц¹⁹. В-третьих, даже если не опираться на «цвет серебряного возраста», то и в общей массе пожилых людей большинство разумно и ответственно проживают дарованные им судьбой годы — вопреки концепции «геронтологического эйджизма»²⁰. Причем эти черты усилены советской биографией каждого из них: привычка прислушиваться к призывам государства еще себя не исчерпала. В-четвертых, как показывают результаты новейших социологических исследований, излишний патернализм отнюдь не способствует сохранению этой «возрастной популяции», а, напротив, снижает энергетический потенциал пожилых людей, ослабляет их сопротивляемость возрасту; навязываемая им «инфантилизация» усугубляет индифферентность к жизни — вместо поощрения самооценки своих физических и психических возможностей и добровольного самоограничения²¹. Заметьте — добровольного²². При этом вред от режима принудительной самоизоляции также вполне очевиден — как для физического, так и для психического здоровья именно (и прежде всего) граждан 65+.

Как показала практика Ярославской области, хотя режим самоизоляции пожилыми людьми соблюдался с изъятиями²³ (дачные грядки и цветники не бросишь, в «ближайшем магазине» не всегда можно купить необходимое, а прогулки всё же нужны), в целом он имел место и дал результаты. Однако наблюдалось немало

¹⁷ Сеем предположить, что и тревожными размышлениями о коечном фонде, неблагоприятной статистике и другими организационно-техническими соображениями.

¹⁸ См.: Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.

¹⁹ Вспомним добрым словом Майю Плесецкую.

²⁰ См.: Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Том. 14. № 2. С. 32–45.

²¹ См.: Колпина Л. В., Бояринова Е. В., Реутова М. Н., Реутов Е. В. Инфантилизация представителей старшего поколения как фактор их самоограничительных установок и практик // Теория и практика общественного развития. 2020. № 10 (152). С. 23–28.

²² И заметьте: даже психически нездоровый человек может быть принужден к медицинскому освидетельствованию/изоляции в медицинском учреждении только на основании решения суда.

²³ Советско-российская традиция смягчать *dura lex* и здесь очень пригодились. Правда, в некоторых регионах (Москва и др.) она почти не срабатывала: особенности управления и степень цифровизации сыграли свою роль.

примеров и бюрократического недомыслия: так, поскольку требования обязательного медосмотра для заключения трудового договора в сфере образования (в том числе в вузе) не были приостановлены, представители группы 65+ стояли в очередях для получения соответствующего медицинского документа (с теми самыми молодыми, без масок, от контактов с которыми их пытались уберечь)²⁴; в октябре 2020 г. пожилым преподавателям вуза Х было предписано дистанционное проведение учебных занятий — с обязательным размещением электронных ресурсов в электронной информационно-образовательной среде (притом что преподавателям, проводившим в этот период занятия в аудиториях, такой обязанности не предписывалось; таким образом, преподаватели возраста 65 лет и старше выполняли двойную нагрузку²⁵); московские власти в весенние месяцы через СМИ озвучили пикантную в своей двусмысленности информацию о праве пожилых выехать на дачу «в один конец»²⁶. И т.д.

Всё это свидетельствовало и свидетельствует о появлении новой группы дискриминируемых меньшинств — граждане 65 лет и старше. Если

дополнить перечисленное фактами возрастной дискриминации при приеме на работу или увольнении в связи с сокращением штатов²⁷, отказом в индексации пенсий работающим гражданам²⁸ и т.п., то означенную группу можно включить не в видовую систему меньшинств, статус которых выравнивается через дополнительные возможности и льготы — с целью сохранения и развития группы, а в меньшинства дискриминируемые (при официальной цели заботы о...). Сеем надеяться, что пандемический опыт направит законодательство и управленческие решения не в сторону фиксации обсуждаемой технологии, а в пространство поиска соразмерных и гуманитарных подходов.

Отдельного внимания заслуживает проблематика, связанная с реализацией религиозных прав и свобод. В самом начале пандемического цикла патриарх Кирилл занял прогосударственную позицию, подтвердив правомочность самоизоляции с точки зрения Русской православной церкви и благословил верующих на «подвиг неотлучного пребывания в своих жилищах»²⁹. Как отмечается в доктрине, данная позиция означала акт социальной солидарности, при-

²⁴ Причем это распространялось и на случаи оформления внутреннего совместительства — при наличии продолжаемого трудового договора по основной должности (например, 0,5 ставки профессора для заведующего кафедрой).

²⁵ Особенное удивление это вызывало в части лекций. Принудительная отправка лекторов возраста 65 лет и старше в онлайн (в противовес остальным) весьма жестко ударила по их мироощущению, а значит, нанесла вред здоровью. Если и когда дистанционно работают все возрастные категории, вредоносная аура принудительности рассредоточивается, дискриминации как таковой не возникает. Ее не возникает и в ситуации самостоятельного принятия решения о самоограничении. Впоследствии, впрочем, подход был смягчен — в сторону взаимного учета позиций и на основе регионального допущения к работе сотрудников, даже и 65+, необходимых для обеспечения деятельности организации. (А доценты и профессора «серебряного возраста» вузам действительно необходимы.) Примечательно, что в социологическом исследовании «пандемического дистант-обучения», проведенном на основе обобщения мнений членов общероссийского профессорского собрания, анализ возрастных предпочтений отсутствует (см.: *Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаршвили А. Т., Крухмалева О. В.* Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 611–621).

²⁶ Но еще более восхитило решение в рамках ослабления ограничений на передвижение о порядке прогулок москвичей: по четным дням разрешено гулять жителям домов с четными номерами, по нечетным — с нечетными номерами.

²⁷ См.: *Менкенов А. В.* К вопросу дискриминации пожилых трудящихся // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 54–57.

²⁸ Как известно, часть из них прибегает к технологии временного увольнения, дабы соответствующую надбавку получить. Интересно, будет ли осуществлено аутентичное толкование конституционной поправки об индексации пенсий (ч. 6 ст. 75) или же толкование останется в пределах сиюминутных смыслов и причин?

²⁹ Патриаршее послание Преосвященным архипастырям, священнослужителям, монашествующим и мирянам епархий на территории России. 3 апреля 2020 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517> (дата обращения: 15.02.2021).

том что Церковь привыкла «ставить интересы общества выше своих собственных в условиях секулярного XX в.», а «осознание ценности человеческой жизни является неотъемлемой частью христианского богословия (которое и стало источником либеральной концепции прав и достоинства человека)»³⁰.

Однако, как и в светском пространстве, в православной среде к лету начало проявляться и «диссидентское» мировоззрение: верующие сподвиглись публично заявлять об ущемлении своих прав. Их поддержал и Совет по правам человека при Президенте РФ, квалифицировав ситуацию как дискриминацию в сфере религии. И всё же постепенно формировалась разумная симфония между ограничениями и уважением чувств верующих — при сохранении и десидентствующих позиций. В доктрине отмечается, что последние в сложившейся ситуации, в принципе, естественны, так как ограничения затрагивали и затрагивают «само существо и смысл церковной жизни»³¹ (приоритетом для верующих в чрезвычайной ситуации становится сохранение религиозной идентичности³²). Одновременно обострились и социально-экономические разногласия внутри РПЦ: часть архиереев не отказывалась от планов по взиманию налогов с приходов, другая часть, напротив, не только освободила их от обременения, но и оказала материальную поддержку семьям священнослужителей³³.

Исламские религиозные деятели также поддерживали ограничительные меры российского государства. Более того, политологи отмечают, что в среде муфтиев и мусульман в целом «ковидного диссидентства» почти не было замечено, муфтии с пониманием принимали решения об ограничении религиозной обрядности, вплоть до закрытия мечетей, не оставляя верующих своим попечением в других формах³⁴.

Воистину, сочетание реализации конституционной свободы вероисповедания (при относительной отстраненности государства от «священнодействия») и применения к верующим «мягкой силы», в принципе, помогли и помогают последним пережить притеснения других свобод³⁵.

Конечно же, пандемия явилась предпосылкой и для других политических, экономических и социальных композиций. И они, безусловно, еще станут предметом пристального внимания доктрины, интеллектуальной оценки и эмоциональных переживаний российских граждан. Мы же на данном этапе осмысления проблематики антивирусных мер и их последствий, эффективных или не вполне адекватных, ограничимся предложенными размышлениями.

Возвращаясь к констатациям о появлении нового вида меньшинств (65+) как следствия антивирусного законодательства и правоприменительной практики, что и подвигло нас к данному эмоционально окрашенному акту сочинительства, подчеркнем: ограничения и запреты прав граждан должны быть соразмерными, должны отвечать ценностным ориентирам общества, сопровождаться большим объемом позитивных решений и информации, поощрением к самоограничению, а не прямым принуждением (если только речь не идет о карантине и тому подобной очевидной необходимости). Ибо поражение в правах (или кажущееся таковым для граждан, иницирующих конституционное правосудие), будь то избирательное право, право на свободу труда, право на семейную жизнь и др., — дело исключительно серьезное. В этом смысле основные конфессиональные позиции, ориентирующие верующих именно на сознательное самоограничение, гармоничнее по содержанию и ближе нам по духу. Если, конечно, можно надеяться на проявление гар-

³⁰ См.: Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия : Политология, 2020. Т. 22. № 4. С. 551.

³¹ См.: Лункин Р. Н. Указ. соч. С. 556.

³² См.: Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь мир, 2017. С. 334–338.

³³ См.: Лункин Р. Н. Указ. соч. С. 554–555.

В качестве наиболее достойного примера приводится благотворительно-организующая деятельность митрополита Псковского Тихона (Шевкунова), кстати, автора известной книги «Несвятые святые», в коей он предстает человеком тонким и широкого кругозора.

³⁴ См.: Почта Ю. М. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы // Вестник РУДН. Серия : Политология. Т. 22. № 4. С. 569–570.

³⁵ Поскольку мы не являемся объектом данного благого воздействия, то высказываем лишь предположение.

мории в чрезвычайных ситуациях. Впрочем, надежда, как известно, умирает последней или не умирает вовсе. Что касается такого частного случая ее проявления, как упование на правовую позицию Конституционного Суда РФ о несоразмерности введенных ограничений, в

том числе в адрес новоявленного меньшинства, то оно вряд ли имеет перспективу. Однако и в этом смысле некоторая надежда теплится, ибо профессиональность означенного Суда является аксиомой — при этом содержательно не вполне предсказуемой юридическим сообществом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агальцова М. В., Иманова Т. В. Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. — 2020. — № 5. — С. 60–70.
2. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 9–20.
3. Колпина Л. В., Бояринова И. В., Реутова М. Н., Реутов Е. В. Инфантилизация представителей старшего поколения как фактор их самоограничительных установок и практик // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 10 (152). — С. 23–28.
4. Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // Среднерусский вестник общественных наук. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 32–45.
5. Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник РУДН. Серия : Политология. — 2020. — Т. 22. — № 4. — С. 547–558.
6. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. — М. : Проспект, 2015. — 480 с.
7. Менкенов А. В. К вопросу дискриминации пожилых трудящихся // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 3. — С. 54–57.
8. Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семененко. — М. : Весь мир, 2017. — С. 334–338.
9. Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспарисвили А. Т., Крехмалева О. В. Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник РУДН. Серия : Социология. — 2020. — Т. 20. — № 3. — С. 611–621.
10. Патриаршее послание Преосвященным архипастырям, священнослужителям, монашествующим и мирянам епархий на территории России. 3 апреля 2020 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517> (дата обращения: 15.02.2021).
11. Почта Ю. М. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы // Вестник РУДН. Серия : Политология. — Т. 22. — № 4. — С. 559–578.
12. Пьянкова А. Ф. Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. — 2020. — № 5. — С. 53–59.
13. Сыченко Е. В. «Законная» дискриминация: запрет применения труда женщин на некоторых видах работ // Трудовое право в России и за рубежом. — 2017. — № 4. — С. 59–62.
14. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 15. — № 1. — С. 64–75.
15. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (28). — С. 48–52.
16. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. — Ярославль, 2011. — 288 с.
17. Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные знания. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 167–181.
18. Тарусина Н. Н. Семейному кодексу РФ — 25: состояние здоровья и пути его улучшения // Социально-юридическая тетрадь. — 2020. — № 10. — С. 38–51.
19. Тарусина Н. Н., Исаева Е. А. Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. — 2016. — № 6. — С. 5–32.

20. Филиппова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // Закон. — 2020. — № 5. — С. 42–52.
21. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. — 2020. — № 10. — С. 81–89.
22. Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. — 2019. — № 11. — С. 152–160.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2021 г.

REFERENCES

1. Agaltsova MV, Imanova TV. Samoizolyatsiya: analiz zakonnosti i konstitutsionnosti antivirusnykh mer [Self-isolation: An analysis of the legality and constitutionality of anti-virus measures]. *Zakon [Law]*. 2020;5:60-70. (In Russ.).
2. Kokotov AN. Konstitutsionnyy Sud Rossii i zashchita prav i svobod [The Constitutional Court of the Russian Federation and Protection of Rights and Freedoms]. *Lex russica*. 2020;73(10):9-20. (In Russ.).
3. Kolpina LV, Boyarinova IV, Reutova MN, Reutov EV. Infantilizatsiya predstaviteley starshego pokoleniya kak faktor ikh samoogranichitelnykh ustanovok i praktik [Infantilization of representatives of the older generation as a factor of their self-limiting attitudes and practices]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2020;10(152):23-28. (In Russ.).
4. Kolpina LV, Reutov EV. Vliyaniye eydzhistskikh stereotipov na formirovaniye samoogranichitelnykh praktik starshego pokoleniya [The influence of ageist stereotypes on the formation of self-limiting practices of the older generation]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]*. 2019;14(2):32-45. (In Russ.).
5. Lunkin RN. Sotsialno-politicheskie posledstviya pandemii dlya Russkoy pravoslavnoy tserkvi: raskrytie vnutrennego potentsiala grazhdanskoj aktivnosti i sotsialnogo sluzheniya [Socio-political consequences of the pandemic for the Russian Orthodox Church: Revealing the inner potential of civic activity and social service]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [RUDN Journal. Series: Political Studies]*. 2020;22(4):547-558. (In Russ.).
6. Lushnikov AM, Lushnikova MV, Tarusina NN. Gender v zakone [Gender in law]. Moscow: Prospekt; 2015. (In Russ.).
7. Menkenov AV. K voprosu diskriminatsii pozhylykh trudyashchikhsya [On the issue of discrimination against older workers]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour Law in Russia and Abroad]*. 2019;3:54-57. (In Russ.).
8. Mchedlova MM. Religioznaya i konfessionalnaya identichnost [Religious and confessional identity]. In: Semenenko IS, editor. Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika [Identity: personality, society, politics]. Moscow: Ves mir; 2017. P. 334-338. (In Russ.).
9. Narbut NP, Aleshkovskiy IA, Gasparishvili AT, Krukhmaleva OV. Vynuzhdennoe distantsionnoe obuchenie kak stimul tekhnologicheskikh izmeneniy vysshey shkoly Rossii [Compulsory distance learning as an incentive for technological changes in higher education in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal Series: Sociology]*. 2020;20(3):611-621. (In Russ.).
10. Patriarshee poslanie Preosvyashchennym arhipastyryam, svyashchennosluzhitelyam, monashestvuyushchim i miryanam eparkhiy na territorii Rossii [Patriarchal message to the Right Reverend archpastors, clergymen, monastics and laity of dioceses on the territory of Russia]. [Internet]. 2020 April 3 [cited 2021 February 15]. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616517>. (In Russ.).
11. Pochta YuM. Gosudarstvenno-konfessionalnye otnosheniya v Rossii v usloviyakh pandemii: vyzovy i otvety [State-confessional relations in Russia in the context of a pandemic: Challenges and responses]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [RUDN Journal. Series: Political Studies]*. 2020;22(4):559-578. (In Russ.).
12. Pyankova AF. Pravovye osnovaniya vvedeniya v regionakh Rossii mer, prepyatstvuyushchikh rasprostraneniyu novoy koronavirusnoy infektsii [Legal grounds for the introduction of measures in the regions of Russia that prevent the spread of a new coronavirus infection]. *Zakon [Law]*. 2020;5:53-59. (In Russ.).
13. Sychenko EV. "Zakonnaya" diskriminatsiya: zapret primeneniya truda zhenshchin na nekotorykh vidakh rabot ["Legitimate" discrimination: Prohibition of the use of women's labor in certain types of work]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour Law in Russia and Abroad]*. 2017;4:59-62. (In Russ.).

14. Tarusina NN. Konstitutsionnoe pravosudie: o nekotorykh popravkakh v zakonodatelstvo [Constitutional justice: On some amendments to the legislation]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [P.G. Demidov Yaroslavl State University Bulletin. Series: Humanities]. 2021;15(1):64-75. (In Russ.).
15. Tarusina NN. O novom kontsepte braka, ili "pyatoy kolonne" v brachnom prostranstve [About the new concept of marriage, or the "fifth column" in the marriage space]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [P.G. Demidov Yaroslavl State University Bulletin. Series: Humanities]. 2014;2(28):48-52. (In Russ.).
16. Tarusina NN. O sudebnom usmotrenii: zametki semeynoveda [On judicial discretion: A family specialist notes]. Yaroslavl; 2011. (In Russ.).
17. Tarusina NN. Pravo rasporyazhatsya svoey zhiznyu: aktualizatsiya sotsialno-politicheskogo konteksta v usloviyakh pandemii COVID-19 [The right to dispose of one's life: Actualization of the socio-political context in the context of the COVID-19 pandemic]. *Sotsialnye i humanitarnye znaniya*. 2021;7(2):167-181. (In Russ.).
18. Tarusina NN. Semeynomu kodeksu RF — 25: sostoyanie zdorovya i puti ego uluchsheniya [Family Code of the Russian Federation is 25: Health status and ways to improve it]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2020;10:38-51. (In Russ.).
19. Tarusina NN, Isaeva EA. Gender v zakone: ogranicheniya, preferentsii, neytralizatsiya [Gender in the law: Restrictions, preferences, neutralization]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2016;6:5-32. (In Russ.).
20. Filippova SYu. Koronavirus ushel. Kak nam teper vernut pravo? [The coronavirus is gone. How do we get the law back now?]. *Zakon [Law]*. 2020;5:42-52. (In Russ.).
21. Shishkov SN, Polubinskaya SV. Zabota o sokhranении svoego zdorovya kak yuridicheskaya obyazannost [Taking care of maintaining one's health as a legal obligation]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2020;10:81-89. (In Russ.).
22. Shchelkin AG. Legalizatsiya odnopolykh brakov: k voprosu o sotsialno-tsivilizatsionnykh posledstviyakh [Legalization of same-sex marriage: On the issue of socio-civilizational consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2019;11:152-160. (In Russ.).